

Анатолий БЕЛЫЙ:

Таким актер предстает в роли современного короля Лира

Бывало, я продавал пылесосы

РАЗГОВОР С АКТЕРОМ СОСТОЯЛСЯ НАКАНУНЕ ШУМНОЙ ПРЕМЬЕРЫ «КОРОЛЯ ЛИРА»

средственно занимались спектаклем. «Лира» мы сделали фактически за пять недель, что было очень тяжело. Премьеру — три спектакля — сыграли в Японии.

— **Что в Японии больше всего поразило?**

— Океан! Я видел океан впервые в жизни. Море не идет ни в какое сравнение. Океан — это Шекспир! Вроде бы перед тобой та же толща воды, та же даль. Но энергия, с которой идет на тебя вода, совершенно другая. Это абсолютно шекспировские страсти. И все совпало — я занимался Шекспиром, все сидело у меня в голове, и тут я увидел эту мощь, необъятную глыбу... Мы пережили два сильнейших тайфуна, было очень страшно. Сейчас, во второй приезд, мы жили на берегу океана, в портовом городе Шизуока, где у Судзуки свой театр.

— **Твоя жена, Марина Голуб, сейчас тоже напряженно репетирует — играет Дорину в «Тартюфе». У вас все время такая семейная жизнь?**

— Для нас с Мариной это норма. Во все времена года. И мы давно знаем, что такое премьера друг у друга, это даже не оговаривается словами. Стараемся друг друга поддерживать, какие-то дела откладываем, разгребая время, чтобы глубже уйти «туда». Мы живем за городом — природа помогает расслабляться. Это была наша идея фикс с самого начала совместной жизни. Просто тогда она была неосуществима. А сейчас решились на эту авантюру чистой воды. Мы все продали. И теперь у нас только дом.

— **Вы обсуждаете приглашение кого-либо из вас на новую роль?**

— Конечно. У Марины тонкая интуиция. Но бывает всякое. Однажды она мне сказала: «Толя, не надо тебе это. Ты и так уже измотан. Сделай паузу...» Я спорил: «Нет, ты знаешь, мне кажется, это «стрельнёт»... И получился интересный спектакль. У обоих бываю ошибки».

— **А откуда тянется твоя актерская история? Ты же, кажется, не из театральной семьи?**

— Я считаю, что это абсолютная генетика. Мама у меня учительница, но очень артистичная натура. Она вела всевозможные кружки, организовывала литературные вечера, все время что-то придумывала — настоящая заводила.

— **Ты не москвич?**

— Я родился на Украине. Родители в то время жили в Тольятти, но мама поехала в отпуск к своим родителям. И там неожиданно родила меня... Но я только летом приезжал к бабушке на каникулы. После окончания школы я поехал в Самару и поступил там в авиационное училище.

— **И на кого ты учился?**

— На инженера-программиста электронных установок (смеется).

— **Вот это голова!**

— Сейчас уже нет (смеется). А в школе у меня самым любимым предметом была математика.

Многое же зависит от учителя. И у нас учительница потрясающе преподавала математику, просто как поэзию. И привила эту любовь нам. Но сейчас мне кажется — все это было в какой-то прошлой жизни. Потому что сейчас я подхожу к компьютеру как элементарный пользователь. Такое впечатление, что у меня из головы стерли ненужные файлы. А раньше знал компьютер как свои пять пальцев.

— **Так что же вдруг случилось?**

— Мне вдруг стало ясно, что если даже я буду этим заниматься всю жизнь, то выше определенной планки не прыгну. Ну буду инженером, в лучшем случае руководителем в заводском КБ или в НИИ. И что?... Новые технологии я бы изобрести не смог.

— **И как же ты нырнул в новую жизнь?**

— Я познакомился с ребятами-хиппарями, которые даже немного фарцевали дисками. Они привозили польские виниловые пластинки — «Дип Пёпл», «Христос — суперстар», Битлов, Элвиса. Это 88–89 год. Все это подпольно продавалось. В общем, такое было студенчество. Попойки на берегу Волги с музыкой... И меня вовлекло в мир музыки и гитары! А на втором курсе я пошел учиться играть на саксофоне — была у меня такая мечта. Научился что-то дуть (смеется). И почувствовал вихри чего-то нового. Ребята участвовали в КВН, и я тоже попробовал себя в конкурсе «Студенческая весна». Режиссер КВН мне подсказал: «В городе есть народный театр, который возглавляет очень толковая женщина. Пойди к ней, может, тебе будет интересно». Мне там понравилось. Потом решил ехать в Москву, в театральное. И, как все, пошел по кругу. Чисто визуально меня очень пригрела «Щепка»: своим дворником, уютом. Так я оказался в «Щепке».

— **А потом? О каком театре ты мечтал?**

— Больше всего я почему-то хотел работать в «Современнике».

— **Но, возможно, сложились все так, не был бы ты сегодня в МХТ, не играл бы Шервинского в «Белой гвардии», не играл бы Лира...**

— Да, все, наверное, было неспроста. Для меня практически сразу же после института огромной подпорой стала Марина. У меня было три года абсолютного безвременья, я даже продавал пылесосы. Были депрессии. Все как и должно быть у безработного актера. Думал, что уже все. Но как-то потихонечку выплыл. Сначала Таганка. Вдруг возник режиссер, который когда-то приходил к нам на дипломный спектакль. Он хотел делать «Москву — Петушки». И ему нужны были парни, которые хорошо двигаются акробатически.

— **А ты и акробатикой занимался?**

— Девять лет. Мастер спорта. Мама хотела, чтобы я был сильным, большим и крепким, все время отдавала в разные секции. Но

акробатика мне больше всего нравилась... После Таганки на каком-то новогоднем капустнике в Доме актера, году в 98-м, мы с Мариной сделали номер-танго на тему рекламы. А в это время Владимир Мирзоев набирал команду для своих шекспировских проектов «Двенадцатая ночь» и «Укрощение строптивой». И Володя меня взял. У этого режиссера странная, необычная стилистика. Потом меня взял Олег Меньшиков в свое «Товарищество». И пошло-поехало... С «Кухней» Меньшикова мотались по стране. Но что дальше?... В 2001 году группа молодых европейских режиссера набирала молодых русских актеров — они делали с ними эскизы к спектаклям по современной западной пьесе. Мы попали к очень интерес-

ному колумбийскому режиссеру. И это был прорыв во что-то следующее. На показ пришел Кирилл Серебренников. В это время он как раз собирался ставить «Полароидные снимки» и искал человека на роль Виктора. И на другой день он положил передо мной пьесу, на которой было написано: «С богом! Читай роль Виктора!»

— **И ты не побоялся взяться за столь откровенную тему?**

— Абсолютно! То есть, когда я прочитал пьесу — немножко напрягся, подумал: не будет ли это таким Виктоком? Но на читке первое, что сказал Кирилл (и у меня сразу отлегло от сердца): «Значит так, вот эту тему мы не играем. Все поняли?» И все вздохнули: «Слава Богу!» Знакомство с Кириллом — счастливое время! Все только начинается, внутри тебя все бурлит, а еще рядом интереснейший человек...

— **Вы с ним подружились?**

— Да. Он же очень открытый человек. И обожает актеров, с которыми работает. Если Кирилл подумает от актера импульс — он его просто на руках носит. У нас никогда не было такого, чтобы мы отрепетировали и разъехались по домам. Нет, всегда шли куда-то ужинать, сидели, болтали: «А ты видел это? А это ты читал?..» Могли пойти в кино. У нас образовался свой круг (в нем и Марина), который и сейчас сохранился... Когда Кирилл предложил мне «Полароидные снимки», я уже репетировал «Обломова» в Центре Казанцева. У меня всегда так: ничего, ничего, а потом — раз! — и наваливается! Наш мирозовский костюм каким-то образом плавно перетек в Центр, с ним стали сотрудничать Вика Толстогонова, Ира Гринева, Саша Усов, Володя Скворцов. А Миша Угаров с Володей Скворцовым собирались делать «Обломова». И Скворцов предложил на Штольца взять меня. Все это вышло в один сезон. После в Центре появились «Пленные души», «А. — это другая», «Москва — открытый город». Но «Обломов» был уникальным спектаклем, прежде всего потому, что там бурлила молодая творческая энергия. А потом Ольга Семеновна Хенкина, помощница Табакова, увидела меня в «Полароидных снимках» и пригласила меня во МХАТ, в спектакль «Терроризм». Его посмотрел Табаков — и взял меня в театр. Думаю, там просто был пробел в этой возрастной категории. Так вот я и вышел на главную сцену страны.

— **Страшно было?**

— Стра-а-а-шно! Репетировать было здорово, а вот выходить было жутко — груз ответственности давил на плечи. А работа была замечательная. Я счастлив, что познакомился с Сергеем Женовачом, который сумел создать прекрасную атмосферу на репетициях «Белой гвардии» — надеюсь, это передалось спектаклю... Нет, счастливый я все-таки человек!

Беседовала Марина ЗЕЛЬЦЕР

СПРАВКА «ВМ»

Анатолий Александрович Белый. Окончил Высшее театральное училище им. Щепкина в 1995 г. (мастерская Н. Афонина). С 1998 г. — актер Театра им. Станиславского, где был занят в спектаклях режиссера Владимира Мирзоева «Укрощение строптивой» (Люченцио), «Двенадцатая ночь» (Себастьян), а также в спектакле «Мата Хари» Ольги Субботиной. В «Театральном товариществе 814» Олега Маньшикова играл в спектаклях «Горе от ума» (Загорецкий), «Кухня» (Повар холодного цеха). Сегодня занят в спектаклях «Облом-off», «Трансфер» (Центр драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рощина), «Откровенные полароидные снимки» (Театр им. Пушкина). В антрепризе Петра Гладилина играет в спектакле «Кукушка» (Хор и Андрей Ильич). Снимался в фильмах: «Мама» (1998), «Москва» (2000), «Тихие омуты» (2000), «Обыкновенные дни» (2001), «Каменская-3» (2003). В 2003 г. принят в труппу Художественного театра. Играл Шервинского в «Белой гвардии» и Лира в последней премьере театра «Король Лир».

После элитарных, авангардных и очень модных спектаклей «Облом-off» и «Откровенные полароидные снимки» Анатолий Белый стал, что называется, широко известным в узких кругах. Его полюбили настоящие театралы. А после блестяще сыгранного на сцене МХТ Шервинского в «Белой гвардии» в постановке Сергея Женовача о нем заговорили как об очень сильном актере, способном владеть большим залом.

Мы с Толей знакомы давно, а этот разговор состоялся накануне премьеры «японского» «Короля Лира» в режиссуре Тадаси Судзуки. Он играет здесь главную роль.

— **Толя, когда ты узнал, что станешь Лиром?**

— Судзуки приехал год назад, провел кастинг среди актеров до 50 лет и набрал группу. Может, он уже тогда сделал для себя какой-то выбор, но нам ничего не говорили. Все было объявлено только после первой, августовской поездки в Японию, где мы в деревне Тоги осваивали его метод, основанный на концентрации энергии. Это практически то же самое, чему нас обучают в нашей школе, только названо другими словами. Концентрация внимания и пре-

дельно сильный энергетический импульс. Но очень большое внимание уделяется телу, в особенности ногам. Это его собственная методика, идущая от восточных единоборств и театра «Но». Это абсолютно японская традиция. Как освоил Судзуки на репетициях: «Сильные ноги — это значит сильная личность на сцене». Для него это важно, поскольку у него театр, где нельзя выйти на сцену ослабленно. Это психофизические упражнения — то есть ты вроде бы выполняешь физические упражнения, но они связаны с эмоцией. Другая техника: другой способ дыхания, другой способ набора воздуха, другой способ голосовой подачи... Вторая поездка продлилась три недели — мы уже непо-